

Мамины губы казались особенно мягкими, когда она смущалась.

Они прижались друг к другу, нахмурившись, когда она смотрела, как Росс, мой отец, снова выставляет себя дураком. Она не поднимала головы, пока он кричал на девушку, которая в панике металась у терминала, пытаясь распечатать наши билеты на самолет. Девушка была не виновата - сбои в работе принтера случались постоянно. Наш собственный принтер был таким же куском дерьма, поэтому мы пытались распечатать билеты на самолет в последнюю минуту у выхода, но не похоже, чтобы у отца было терпение и на авиакомпанию.

"Что это за гребаный сервис? Ты что, не знаешь, что у нас рейс через, - он посмотрел на свой телефон, - два часа? Я не могу это пропустить! Ты знаешь, сколько я плачу за этот отпуск?". Я почувствовал, как по мне ползет тревога, когда я заметил, что рука сотрудницы авиакомпании все ближе и ближе приближается к телефону на ее столе, несомненно, для того, чтобы позвонить своему менеджеру и выгнать нас.

"Росс, пожалуйста, - умоляла мама отца, - просто будь терпелив, люди смотрят..."

"Я терпелив, черт возьми. О, Нора, может, хватит, мать твою?" Он сделал глубокий вдох с маминой поддержкой, а затем закрыл рот, оскалившись. Сотрудница авиакомпании настороженно смотрела на него, ее рука медленно отходила от телефона, лежащего рядом с ней.

Похоже, нас еще не собирались вышвырнуть из аэропорта.

Как отметила мама, люди действительно смотрели на нас. Большинство смотрели на моего отца, ожидая, что он взорвется. Обеспокоенные семьи, офицеры TSA, пара сотрудников, стоявших в стороне, - все напряженно смотрели. Девушка за стойкой чаще всего смотрела на меня, ее накрашенное лицо явно искало мое мнение, как будто она спрашивала, стоит ли ей волноваться. Я пожала плечами и постаралась выглядеть спокойной. Она восприняла это как знак того, что худшее позади.

Сквозь все взгляды, окружавшие нас, я уловила, что несколько парней позади нас смотрят на мою маму. Не то чтобы я их винила. Она была потрясающим образцом - такой женщины, которую можно было ожидать увидеть на телевидении - практически двойник Найджеллы Лоусон, с широкими глазами, длинными, объемными ресницами, невероятно темно-каштановыми волосами, бледной кожей от постоянного пребывания в помещении и работы по поддержанию чистоты в доме. У нее были мягкие, широкие бедра. Вы бы никогда не догадались, что ей за сорок.

Я услышал комментарий позади себя. Один из парней использовал слово "прекрасно", снова и снова. Мама и папа, возможно, и не заметили их пристального взгляда, но я-то заметила, уловив его на слух. Другой голос позади меня произнес слово "милф". Затем я услышала смех.

Меня это разозлило, но я знала, что у них было много причин так о ней отзываться. Ее тело было создано регулярными занятиями йогой, шоколадом и вином, а также большим

количеством приседаний во время стирки. На ней были темные леггинсы и майка - удобная одежда для долгого перелета. Толстовка, завязанная на талии, прикрывала ее обширную спину, но, несмотря на это, вдоль ног было много изгибов, которые спандекс, казалось, демонстрировал, женственные мышцы, которые могли двигаться с усталой упругостью, делая работу по дому, или молниеносные рефлексy, чтобы не дать вещам упасть с мантии. Я быстро оглядел маму с ног до головы и заметил, что под майкой у нее очень бледные плечи. У нее была невероятно белая кожа.

Я осторожно отошел в сторону, чтобы ребята позади нас были меньше видны, а также постарался не смотреть на нее. Это было странно. Я вернулась всего на несколько месяцев после учебы в колледже, и мне казалось, что я впервые замечаю, как выглядит моя мама. Она была немного сексуальной.

Я покачал головой. Я не был извращенцем.

"Вот, пожалуйста, ваши билеты", - сказала девушка за стойкой, протягивая их с фальшивой, натянутой улыбкой. "Приятного путешествия в Белиз!" Папа взял их у нее и поблагодарил. Мама пошла дальше, обратив свой взор на меня.

"Мне очень жаль", - пробормотала она. Она выглядела такой смущенной. Она вздохнула, когда мы шли дальше, все еще глядя на меня, и грустно улыбнулась. "Ну, вот мы и пришли. Надеюсь, хотя бы к концу недели он успокоится. Это же не наш единственный семейный отпуск за последние годы. Я же не заставляла его обещать, что мы все хорошо проведем время, тем более что после этого ты возвращаешься в школу". Она смотрела, как отец быстро идет впереди нас, скрываясь из виду.

"Он не успокоится", - прокомментировала я, прекрасно зная, каким человеком был мой отец.

"Ему придется успокоиться, иначе", - пробормотала она, нахмурившись. "Я предупреждала его об этом. Такое поведение чревато последствиями". Ее глаза потемнели. Я знала, о чем она говорит. Я вспомнил, что до того, как я уехал в колледж, она устраивала дома небольшие "забастовки", когда отец выходил из-под контроля. В то время как она убирала, готовила, следила за тем, чтобы все дети были в порядке, была одна область, в которой она иногда сдерживалась. Я видела последствия через день или два. Папа становился напряженным, напряженным, злым и расстроенным.

Иногда он отводил маму в сторону и пытался убедить ее прекратить "забастовку". Он отпускал неуклюжие шутки, пытаясь заставить ее смеяться и не обращать внимания на то, как он это заслужил. Конечно, к концу нескольких недель я видел, как мой папа начинает действовать, мыть посуду, следить за своими словами, а потом мы все замечали, что после ночи, когда мама, наконец, прекращала "забастовку", он спускался к завтраку с видом блаженства и облегчения. Эти забастовки помогали ему стать родителем, по крайней мере, на неделю". Мама почти смеялась. "Сколько раз мне еще придется это терпеть?"

Я не хотела отвечать на этот вопрос.

"Итак, где, черт возьми, твой отец?" спросила она. Он был слишком быстр для нас, уже приближался к контрольно-пропускному пункту, вероятно, слишком смущенный, чтобы встретиться с ней взглядом. В некотором смысле, я не винил его. Когда она была разочарована и расстроена, это могло заставить ваше сердце разлететься на куски, хотя я думаю, что на него это не действовало, отсюда и "удары".

Она попыталась повернуть ручную кладь, чтобы пойти за ним, но раздался громкий треск, и она опрокинулась. Одно из дешевых колесиков на задней стенке чемодана лежало на земле, отломившись благодаря удачному сочетанию плохого пластика и удачи, которая бывает только во время наших семейных отпусков.

"Черт", - мамино лицо превратилось в яростный оскал. Она огляделась вокруг и на меня, в отчаянии. Она поискала взглядом далекую толпу на контрольно-пропускном пункте. "Черт возьми, Росс, я же говорила тебе не заказывать это дешевое дерьмо. Я должна была купить эти вещи сама". Она попыталась поднять его. Ее маленькие руки сжались. Ее лифчик сдвинулся вверх, когда она шипела от усилий. Я увидел, как в районе ее груди появился маленький проблеск фиолетовой ткани.

Я подошел к ней и взял ее чемодан. "Я возьму его". Я занес его через плечо, пытаюсь похвастаться и одновременно подбодрить ее. Она улыбнулась мне, когда я взвалил его на плечо, и мы вместе пошли к линии безопасности.

"Я рада, что воспитала тебя таким", - сказала она. "Быть джентльменом. Мне не нужно быть с тобой такой терпеливой", - засмеялась она, обнимая меня за талию. Я почувствовал, как в груди стало тепло. Было приятно снова быть рядом с ней. Мы шли по направлению к TSA в тишине.

Мама слегка наклонилась, чтобы прочитать надписи, когда мы приблизились к зоне сканирования. Я посмотрел вниз и увидел небольшую вспышку фиолетового цвета в верхней части ее груди, а затем снова поднял глаза. Прошло несколько секунд, прежде чем я понял, что она только притворяется, что читает таблички. Вместо этого она думала. Она выглядела обеспокоенной. Вниз. Обеспокоенной. Она поджала свои мягкие, печальные губы.

"Я не... так уверена в этой поездке", - сказала она, когда мы шли к зоне, где нужно было вывернуть карманы.

"О?"

"Твой отец рад, что все дети уехали из дома, особенно, когда ты учишься в колледже", - сказала она. "Определенно, приятно снова проводить время вместе... с мужем и женой".

Она прикусила губу. "Но я думаю, что он... больше рад тому, что у него будет больше времени для работы". Она остановилась, как будто в этом была какая-то логика. "Или играть, я думаю. Это не совсем то время, которое я представляла себе как муж и жена. Он всегда либо задерживается на работе, либо гуляет с друзьями, либо в сотый раз стрижет газон. Мы

ужинаем, конечно. Сходим на концерт или еще куда-нибудь. Но не похоже, что он стал спокойнее или что он проводит со мной больше реального времени, чем раньше. Можно подумать, что когда детей нет дома, он немного расслабится. Может быть, попытается найти время для качественного общения, поскольку все... менее напряженно".

Она крепче обняла меня. Ее грудь прижалась ко мне еще больше. Я старался не смотреть вниз. "Но времени никогда нет. Даже поблагодарить после завтрака не за что. Ему всегда нужно идти и сердиться на что-то, или быть занятым чем-то другим. Наверное, поэтому я и умоляла его об этих каникулах".

Она вздохнула и подняла голову. Погладила меня по щеке. "Боже, какой ты теперь красивый. Совсем взрослый". Ее гордая улыбка светилась материнским сиянием. Ее темные глаза заглянули в мои, и я как можно быстрее отвел взгляд от ее груди. "Ты скучаешь по этому?" в конце концов спросила она меня.

"Что, по дому?" Я задумался на минуту и вспомнил о диких вечеринках, которые я пережил за последний год. Я думал о девушках, о выпивке, о бесконечной учебе. В школе было несколько девушек, которые мне почти нравились. Но казалось, что у них нет ничего, кроме мозгов и сисек. Было смешно сводить их к этому, но каждый раз, когда они открывали рот, это был нелепый поток жалоб и хихиканья по поводу самых обыденных вещей. Весь сексуальный опыт в колледже больше походил на галочку, чем на мифическое приключение в колледже. Фильмы совсем не подготовили меня к пустому разочарованию университета. Все это заставляло меня скучать по дому, по маме, которая казалась такой стоической, мягкой и разумной, что я начала возмущаться тем, что мне пришлось вернуться осенью.

Я поняла, что мне действительно ее не хватает.

<http://erolate.com/book/1014/25545>